

Стиль ампир как продолжение Тильзита

Франция и Россия связаны замечательно непростой историей политических и культурных взаимоотношений. Война с Наполеоном была главным событием русской истории XIX века. Но у нее был странный результат. В России усилился культ Наполеона, а традиционная любовь к французской культуре возросла безмерно. Повсеместно господствовал стиль ампир с его русским вариантом. Русский император заказывал для своего кабинета большую картину «Парад старой гвардии», а в составе русской гвардии была создана часть, носившая униформу, сознательно повторявшую форму наполеоновских воинов.

Республиканские идеи, вдохновившие русских дворян на восстание декабристов, тоже были привезены из императорской Франции.

Внутренняя симпатия существовала, несмотря на объективные политические и социальные противоречия.

Художественный стиль ампир означал бы «стиль Наполеона», если бы он не стал международным и не вышел за рамки эпохи. Идеология наполеоновской Империи создала некий искусственный Ренессанс, который возрождал не античный дух, но символику и знаки римского военизированного мира – орлов, доспехи, ликторские связки, жертвенные треножники – и присущую римской эстетике торжественную строгость. Этот стиль, созданный «под Наполеона», стал важным вкладом в историю культуры, не менее важным, чем военные походы с их яркими победами и мрачными поражениями. Стиль пережил Наполеона и прижился во многих странах мира, но особенно и очень красиво в другой империи – в России. То, что называют русским ампиром – часть международного явления. Однако в России «имперский» стиль не только преобразился формой, но и нашел новые исторические истоки и ключевые символы – прошлое Руси с ее шлемами и кольчугами, с образом-идеалом средневекового витязя.

Показанные рядом произведения французского и русского прикладного искусства начала XIX века подтверждают мировой характер стиля, созданного Францией, превратившей Республику обратно в монархию, ориентируясь на идеалы и стилистику Древнего мира. Россия ввозила блестящие памятники французского мастерства. Французские художники создавали эскизы для русских фабрик. Оригинальные произведения русских мастеров не уступали привозным и были насыщены собственной идеологической программой. Все это может показать Россия и ее музей – Эрмитаж. Но он демонстрирует еще и предметы с более сильным французским акцентом. Благодаря стечению обстоятельств, личным симпатиям и династическим бракам, в России оказались многие наполеоновские вещи, хранившиеся в семье Богарне: от сабли, которая была с Наполеоном при Маренго, до сервиза.

Однако за рассказом об искусстве скрывается очень близкая русской истории тема. Золоченые герои французского и русского производства стоят рядом как братья, подобно Александру Павловичу и Наполеону на плоту в Тильзите. Тема «Александр и Наполеон» любима не только историками, но и всеми, кто в России размышляет об отечественной истории. Драматический разрыв с Францией после убийства Павла, унижительный разгром при Аустерлице, обрадовавшее всех примирение, умело использованное в политических целях России. Вероломное превентивное нападение, потеря Москвы и страшное унижение всеевропейских победителей, закончившееся взятием русскими войсками Парижа, который был поражен благодарством императора-победителя. Это – красивая сага.

Россия и Франция были связаны единой судьбой, определявшей многое не только в их жизни. Две империи оказались одновременно и параллельными друг другу, и очень разными. Историки рассказывают об этом длинными фразами. Искусство наглядно показывает это без слов. Культурное сродство, заложенное веком Просвещения, оказалось не просто сильнее политической вражды. Оно включило эту вражду (и ее вариант – трогательный союз) внутрь себя, сделало ее конкретным вариантом культурной истории, более долговечной и важной для потомства, чем история политическая. Памятники рассказывают нам о той же ситуации любви и ненависти, которую ощущали и ощущают политики.

Для Эрмитажа существует еще один аспект этой истории. Имя ему Виван Денон. Замечательный художник, один из организаторов научной египетской экспедиции Наполеона, создатель Лувра, отец «египтомании», масон и мистик, служивший в молодости при русском Дворе. В России хранятся подаренный им египетский папирус и роскошная книга его восточных гравюр. Говорят, что в период дружбы Александра и Наполеона он помогал покупать картины для Эрмитажа, в том числе, якобы, – «Лютниста» Караваджо. Александр наградил его орденом Святой Анны в благодарность за присланные в Петербург предметы искусства. Будучи директором Лувра, он безуспешно пытался купить у императрицы Жозефины часть ее художественной коллекции. Дочь Жозефины продала картины и скульптуры Александру, в Эрмитаж. Русский император, в свою очередь, защищал право Франции сохранить сокровища, собранные Деноном по всей Европе.

Наши культурные взаимодействия полны увлекательных эпизодов, многие из которых зримо и незримо стоят за удивительно красивыми вещами, объединенными «под знаком двух орлов» – российского и французского.

*Михаил Пиотровский,
директор Государственного Эрмитажа*